

Пролог

В обычных историях таится гениальность. В гениальных текстах скрывается тайна. А тайна зачастую превращается в безумие. И об этом моя история. История о том, как одно мое решение изменило будущее целой вселенной.

Слишком драматично? Надеюсь, что нет.

Меня зовут Эллиот Шторм, и я предлагаю вернуться в самое начало истории. Отмотаем время назад и погрузимся в 1922 год, задолго до появления на свет нашего поколения Z, задолго до того, как люди получили свободу современных технологий и беспроводного интернета. Перенесемся в холодный Эдинбург, столицу Шотландии, где к западу от города спряталась одна деревушка. Давайте обойдемся без названий? Ведь вам не составит труда проверить подлинность моей истории. Но я прошу вас отбросить сомнения, ведь там все и зародилось.

Предположим, что на окраине той деревушки стоял неприметный дом. Крохотный и одноэтажный. Со ставнями и кружевными шторами на окнах. Наполненный густым ароматом свежеепеченого хлеба и парного молока. Домик не выглядел зловеще, но смотрелся одиноко. Стоял поодаль от соседей, отделенный забором и неторной тропой. За скрипучей дверью жила семья, и, под стать своему отдаленному жилищу, они предпочитали тишину деревенской суете.

Уолтеры, так их называли.

The Walter family

Уолтеры выживали благодаря чинному труду фермеров. Они держали пять черномордых овец, трех кур, петуха и одну собаку чудесной породы бородатый колли. Семья не понаслышке знала, что такое голод и нужда, особенно в период зимы, поэтому щедрость была им не чужда.

Легенда гласит, что именно сердечность Уолтеров в тысяча девятьсот двадцать втором году стала причиной, по которой мы живы сегодня.

В один из облачных дней, таких привычных Шотландии, в шаткую дверь Уолтеров постучали. Это были точно не соседи: стук был слишком робким. И не местный почтальон. Уолтеры открыли дверь незнакомцу. Изнеможенному страннику. Мужчину впустили, усадили у скромной печки и вручили ему щедрую порцию бульона с отварной морковью. Он поел, слушая треск дров и наблюдая за тем, как Уолтеры осторожно рассаживаются вокруг него. Мужчина поглядел на детей. Те смущенно, с интересом посматривали на него круглыми глазами — давно он такого не испытывал. Странник увидел в них надежду. И желание... ярое желание перемен. И тогда мужчина осознал, что наконец-таки отыскал нужный дом.

И из уст странника полился рассказ. В пророчестве сквозило предупреждение.

Мужчина поведал семье Уолтеров правду о том, что мир не принадлежит одному человеку и что вселенная полна существ, готовых заявить право на землю людей. Эти существа сильнее человека. Быстрее. Умнее. И даже сотня солдат не сможет повергнуть одно такое чудовище. Эти существа не нападут сегодня или завтра. Они не сделают этого и через десять лет. Однако чудовища придут. В один сумрачный день или в одну кошмарную ночь *они* нападут.

Старшие Уолтеры не засмеялись, но переглянулись, тем временем младшие подошли поближе к страннику и один из них задал вопрос.

Как *человеку* защититься от *чудовища*?

И тогда мужчина окончательно убедился в том, что нашел нужную семью. Этому пророчеству было суждено стать чьим-то бременем. И наконец это бремя отыскало своего хозяина.

В тот вечер Уолтеры положили начало моей истории.

Мужчина умер рядом с потухшей печкой, как только закончил свой рассказ, но так и не объяснил, откуда узнал о пророчестве и почему так яро в него верил. Но он верил. Он был обязан предупредить о *них*. Об *их* наступлении. О дне, когда люди вступят в войну с существами, готовыми отобрать их землю. Его легенда, одержимость во взгляде и страх в голосе не оставляли места для сомнений.

И семья Уолтеров ему поверила.

В 1935 году Уолтеры связали себя узами брака с известной в своих кругах семьей Ирвингов из Ирландии.

The Irving family

Уолтеры породнились с Ирвингами. Семья разрослась, но бремя осталось тем же. Они не забывали о пророчестве, храня тайну в тесном семейном кругу. Именно поэтому букмекерские дела Ирвингов процветали, ставки на конные скачки повышались. Крупные суммы поступали на счета Ирвингов, однако они не обзаводились имуществом, хотя могли себе позволить, не тратились на прислугу и изысканную еду. Нет, семья Ирвингов помнила о своем бремени, копила деньги, боролась за уважение среди высокопоставленных лиц. И тайно готовилась к скорой войне.

В 1955 году Ирвинги перебрались на солнечную Сицилию, и именно там дочь Ирвингов влюбилась в сына семьи Сабато.

The Sabato family

Сабато нельзя было назвать мафией, но и героями никто бы не окрестил. За ними ходила слава линчевателей. Сабато работали и на полицию, и на мафию. Работали за большие деньги. Днем их семья вела обычную жизнь, однако ночью они выполняли заказы.

Благодаря своей деятельности Сабато знали, где добыть оружие. Они имели особые связи, а после объединения с Ирвингами получили уважение и крупное состояние. В конце восьмидесятых Сабато скрепили союз с семьей из Японии.

The Hitori family

Семью Хитори наделили знанием о пророчестве, уважением и связями. Они воспользовались общим состоянием и создали новую компанию. Хитори занимались оснащением офисов, университетов, стадионов и больниц. Компания зарабатывала на постройке высококлассных спортивных стадионов, на внедрении новейших технологий в аудитории, на поставке офисной мебели и даже на линейке канцтоваров.

Но это было лишь прикрытием.

Обычные люди считали семью Хитори мультимиллионерами. Но в самом центре Лондона, под гордым небоскребом, принадлежавшим их компании, они готовились к войне. Я не стану вдаваться в подробности, как именно они делали это. Вы скоро сами обо всем узнаете. Но скажу одно: в тот самый вечер 1922 года Уолтерам не только поведали об опасных существах. Пророчество также несло в себе ответ на главный вопрос: *как человеку защититься от чудовищ?*

Перед смертью странник открыл тайну. Незадолго до нашего чуждого появления наш мир ощутит опасность. Сработает природный механизм защиты, а затем в разных точках мира родятся особые дети, которые смогут обрести необъятную силу. Силу, способную защитить нашу землю. Защитить наш дом. Дом, за который мы будем сражаться до последней капли крови.

The Walter family

The Irving family

The Sabato family

The Hitori family

Четыре семьи положили начало успешной компании и создали секретную частную армию под названием W.I.S.H.*

А вместе с организацией появились и мы — бойцы.

Каждый из нас пережил смерть.

Каждый из нас умер, чтобы однажды спасти живых.

Именно так нам говорили.

Именно в это заставили поверить.

* W.I.S.H. — аббревиатура, образованная от четырех фамилий людей, чьи семьи стояли у истоков компании: *The Walter family, The Irving family, The Sabato family, The Hitori family.*

Часть первая

*Нам, верно, не дано снискать бессмертия,
но у нас есть два пути, чтобы в известном
смысле обрести его, — доблестно жить
и с доблестью умереть.*

Дион Кассий «Римская история»*

* Перевод А. Махлаюк, К. Маркова, Е. Молева, Н. Сивкиной.

Глава 1

Насколько сильно я сейчас злюсь на своего отца?

Если по шкале от одного до десяти, то все одиннадцать.

Ведь именно по его вине я только что очнулась в лесу. Ночью. Прележав без сознания несколько последних часов и отморозив себе пол-лица. Последнее, что помню, — отец забрал меня из школы, затем развернул машину в противоположную от дома сторону, а дальше... пустота.

Десять минут назад я проснулась, отогнала белок, которые заинтересовались моими шнурками, и поднялась с земли. В голове стучало, но я лишь потерла затылок, пытаюсь прийти в себя.

За последние десять минут меня никто не убил, поэтому мысли перетекли в вопросы. *Как отсюда выбраться? И где отец?*

Мой папа странный человек. Имя неизвестного мне происхождения — Ноян. И фамилия, будто случайно выбранная из списка английских фамилий, — Брасс.

Ноян Брасс.

На этом странности моего отца не заканчиваются. Но об этом я еще успею рассказать.

Прошло семь часов. Не точно, но примерно семь часов с тех пор, как отец забрал меня из школы.

Когда я отключилась?

С момента пробуждения я хожу взад-вперед, чтобы согреть промерзшее тело. Сухие листья под ногами уже не хрустят — я их

истоптала, превратив в вязкую осеннюю смесь цвета жидковатой заветренной горчицы. Но это лишь предположение, ведь лунный свет не может проникнуть сквозь густоту высоких сосен. Моя рука периодически тянется к заднему карману школьных брюк, но я не поддаюсь. Мой отец скоро вернется. Он всегда возвращается.

Вот только мне еще не приходилось просыпаться в лесу и не иметь ни малейшего понятия о том, что происходит. Обычно я нахожусь в сознании, когда отец одаривает меня любящей улыбкой, захлопывает перед лицом дверь внедорожника и уезжает прочь. Если бы в машине существовала кнопка «гнусно повилиять задом», то папа, я уверена, нажимал бы на нее чаще, чем на педаль газа.

Отец постоянно подвергает мою жизнь опасности. Он не оставляет меня в безопасных местах. Мои будни состоят из заковыристых подвохов и маленьких испытаний на смелость или смекалку. Чаще всего мой пятничный вечер проходит именно так. Прежде папа возвращался за мной через три или четыре часа. И неважно, где он оставлял меня: в горах, в заброшенном торговом центре или на улицах сомнительного района. Он находил меня, и мы возвращались домой.

Но его проверки на готовность бессмысленны. Если бы мир близился к своему логичному концу, то что бы я с этим сделала? Одно мое действие не изменит судьбу вселенной, а значит, мне и не нужно бесконечно готовиться ко всему этому.

Где-то вдали кто-то устрашающе завыл.

Я прикусила губу и сдалась. Не сомневаюсь в своих физических способностях, но не горю желанием отбиваться от медведя или волка. Поэтому потянулась к заднему карману, и синеватый экран мгновенно осветил мое хмурое лицо.

— Уже час ночи? — Я фыркнула. — Издевательство.

Держать родную дочь в лесу, к тому же ночью, уж точно перебор даже для моего отца. Я без промедлений набрала его номер, и в динамике послышались первые гудки. Отец обычно берет

трубку со второго. Даже сон не мешает ему ответить, словно папа всегда настороже.

Но мой звонок остался без ответа.

— Это уже не смешно. — Я еще сильнее нахмурила брови.

Палец замер над номером мамы, но я покачала головой. Не буду лишним раз тревожить ее. Наверняка папа дома, сидит в своем излюбленном кресле в гостиной и ждет, когда я самостоятельно вернусь домой. Я вздохнула. Как же мне повезло с отцом и его замашками.

Я его люблю. Правда. С отцом мы часто перегибаем палку, огрызаемся из-за сущей ерунды, разрешаем конфликты молчаливым бойкотом, однако быстро остываем. Если поведение папы невозможно предсказать, то мама — полная его противоположность. Она не повышает голос и не показывает слабость. Но любой звонок с незнакомого номера или внезапный стук в дверь заставляет ее замереть в ожидании. Даже если отец рядом.

Спустя двадцать минут благодаря навигатору мне удалось выйти на дорогу и вызвать такси. Слава современным технологиям! Однако пары купюр, найденных под чехлом телефона, хватило лишь на половину пути домой. Поэтому дальше пришлось идти пешком. Надеюсь, что телефон не сядет, я открыла приложение с навигатором, вбила зазубренный адрес, вставила лишь один проводной наушник в ухо и последовала за командами монотонного женского голоса.

Год назад мы с родителями переехали в Россию. Однако частые переезды — всего лишь часть моей рутины. За свои семнадцать лет я поменяла десять школ в десяти разных странах. Это объясняет, почему дома мы говорим на нескольких языках. С английского, смешанного с японским, с легкостью переходим на русский. Странно, не правда ли? Казалось бы, откуда нам знать русский? Но все дело в том, что мне уже приходилось ходить в русскоговорящую школу, когда мы недолго жили в Беларуси и Молдове. С двумя другими языками все проще. Моя мама японка. А отец —

из семьи неких европейских аристократов. История их любви началась со знакомства в аэропорту. Моя мама забеременела задолго до того, как родители решили пожениться, но их семьи не приняли такой союз. Вот моим родителям и пришлось бежать. Мы переехали в Москву, когда папа посчитал, что пора пожить в шумной столице. Мой странноватый отец — мастер боевых искусств, поэтому работать среди молодежи ему в самый раз. А мама устроилась в один из салонов красоты в центре города, где она использует свои ценные секреты японской молодости.

Спустя час я без происшествий добралась до самой обыкновенной улицы с домами-муравейниками за пределом Третьего кольца. Среди одинаковых высоток я отыскала свой подъезд, отключила навигатор и направилась к домофону. Нашла ключи в одном из карманов, отперла дверь, поднялась на третий этаж и наконец зашла в дом.

На часах около трех ночи. В квартире тишина. Свет горел лишь на кухне, над плитой. Я стянула кеды в коридоре, но обуви отца не заметила. Рядом с балетками мамы не нашлись те самые сапоги, которые он неизменно выбирал вот уже несколько лет. Это меня не удивило, ведь папа постоянно уходит из дома. Возвращается через день или даже два. Мама относится к выходкам отца спокойно, поэтому его пропажи не кажутся мне подозрительными. В отношениях родителей нет места сомнениям. То, как они смотрят друг на друга, то, как обмениваются улыбками, понятными только им двоим... Да, пожалуй, вечной любви у них не отнять.

Я на носочках прошла по скрипучему паркету и как можно тише прошмыгнула мимо спальни родителей. Остановилась лишь раз, когда послышался звонок телефона. Мама мигом ответила сонным голосом, приглушенно доносившимся через закрытую дверь.

Я не стала подслушивать. Некоторые клиентки мамы, дамочки за сорок, готовы в любое время дня и ночи записаться на очередной прием, лишь бы удержать ускользающую молодость.

Я направилась к своей комнате, не глядя на фотографии в коридоре. Юное лицо старшего брата запечатлено почти на каждой из них.

Не помню, когда в последний раз мое тело было настолько тяжелым от усталости. Но после такой «прогулки» прыгнуть в кровать равносильно преступлению. Я с сожалением взглянула на постель и прошествовала напрямик в ванную комнату. Сняла с себя школьную форму, включила горячую воду и потянула за пластиковую шторку душевой кабинки.

Не знаю, то ли от сонливости, то ли от проведенного на природе времени, мои мысли затянуло в плен непрощенных воспоминаний. Перед глазами возникло лицо брата.

Его улыбка...

Его необыкновенные глаза...

Необъятное сердце и терпеливость...

Аксель... Аксель Брасс был настоящим старшим братом, пусть и родился всего на год раньше меня. Он был братом, который таскал меня за собой, даже если его друзья были против. Братом, который защищал от наказаний родителей. Чего бы я ни натворила по детской глупости, Аксель неизменно меня прикрывал.

Мысли об Акселе отозвались болью в сердце. Поэтому, вздохнув, я подставила лицо под струю горячей воды в надежде смыть не только лесную грязь, но и детские воспоминания.

Вдруг дверь моей комнаты скрипнула. Кто-то вошел, и я нарядилась.

— Элли? — раздался голос мамы. — *Anata desu ka?**

Она говорила на японском. Это редкость. Но ее голос звучал тревожно. Мало что могло ее так взволновать. Только что-то такое, что... что...

* Это ты? (яп.)

Я выключила воду, схватила полотенце и пулей выскочила из ванной комнаты, чуть не поскользнувшись. Мокрые волосы тут же прилипли к спине.

— Что такое, мама?

— Элли...

— Мам?

Мама стояла на пороге комнаты, все еще одетая в серую ночнушку. Длинноногая, тоненькая и красивая. Густая коса растрепалась после сна, черные раскосые глаза наполнились слезами. Лицо бледное, но впалые щеки покраснели от тревоги. Остановив взгляд на мне, мама застыла с открытым ртом. Молчание повисло между нами, и мое волнение не только пробудилось, оно взбунтовалось, требуя объяснений. Я видела маму такой лишь раз. И случилось это почти одиннадцать лет назад. Худшие воспоминания вновь грозились воплотиться в реальность.

— Мама, — тверже позвала я ее.

— Элли. — Она прикрыла рот руками, покачав головой, и пробормотала что-то на японском. Ее шепот был полон эмоций, но слова, сотканые из двух языков, я расслышать не могла.

— Мама, я тебя не понимаю.

И тут она очнулась. Бросилась ко мне в объятия, схватив за плечи и притянув к себе. Ее одежда тут же пропиталась влагой.

— Ма...

Я умолкла, почувствовав, как она дрожит. Во рту пересохло, и тело оцепенело.

— Мне так жаль, Элли, — сказала она, и я перестала дышать. — Прости меня.

Мама прикоснулась к моему лицу холодными ладонями, убрала мокрые волосы. Ее нижняя губа задрожала, когда она вцепилась в меня так, словно кто-то мог разделить нас.

— Я бы хотела, чтобы у нас было больше времени, — прошептала она, погладив меня по щеке. — Прошу, Элли, будь сильной, ладно? Стань сильнее нас.

Слезы скатились по ее высоким скулам, ноги подогнулись, и мы вместе упали на пол, но из объятий мама меня не выпустила.

— Что случилось? — в последний раз спросила я, зная, что мое сердце вот-вот разобьется на осколки.

— *Gomen nasai**, Элли, — прохрипела мама. — Это папа, Элли... Это наш папа.

По шкале от одного до десяти насколько я готова никогда не двигаться, никого не видеть и ни с кем не разговаривать?

Десять из десяти.

Однако жизнь не станет ждать, пока ты справишься после утраты, верно?

Утро понедельника наступило незаметно, два последних дня прошли как в тумане. Со вчерашнего вечера я сижу дома, на полу в коридоре, опершись спиной о стену, покрытую шершавыми обоями. Я смотрю на сделанную в далеком детстве фотографию, висящую в рамке. На цветной картинке моя небольшая семья стоит в обнимку. Мама со сдержанной улыбкой, папа с ухмылкой, и мы с братом перед родителями. Рука Акселя треплет мою макушку, и я надуваю щеки так, словно еле сдерживаюсь, чтобы не шлепнуть его. Позади нас — огромный стадион.

Я до сих пор помню, как папа поймал прохожего, вручил ему серебристую камеру Canon и попросил запечатлеть этот момент. На фотографии Аксель в толстовке, в той самой, что и на мне сейчас. Его любимая толстовка, купленная в день долгожданного матча в Нью-Йорке. На фотографии моему старшему брату семь лет. Он улыбается шире всех. Той самой улыбкой, которая не оставляла сердца равнодушными. Улыбка брата сияла столь же ярко, как и его необычные серые глаза с приподнятыми уголками. Такие же, как у меня. Форма глаз от мамы и цвет от папы.

* Прости меня (яп.).

Тогда купленная толстовка висела на брате мешком. Аксель нарочно взял ее на четыре размера больше. Сегодня эта толстовка была бы ему в самый раз. Прошло одиннадцать лет, и даже мне она великовата.

Я ношу ее с тех пор, как брата не стало.

А теперь не стало и отца.

Внутри меня, под ребрами, что-то ноет с тех пор, как я услышала страшную новость и пришла с мамой в морг на опознание тела. Грудь раздражает жуткая боль, и я не знаю, как с этим справиться. Каждый вдох и выдох дается с трудом, и кажется, что это никогда не пройдет.

— Шаг за шагом, Элли, — напомнила я себе шепотом.

Затем прикусила губу. Больно. И выдохнула. Резко. Отвела взгляд от фотографии и посмотрела на экран телефона. Ровно семь утра. Пора идти.

Я поднялась, еле словив равновесие, и направилась в свою комнату. Уже там стянула толстовку и пижамные штаны, из которых не вылезала почти все выходные. Сходила в душ, затем надела школьную форму, собрала влажные волосы в пучок на макушке и больше к ним не притрагивалась.

Я взглянула на свой рюкзак. Он лежал у кровати, там же, где я его и оставила. Местная полиция нашла его во внедорожнике отца и передала нам. Моя школьная сумка стала свидетелем произошедшего с папой. Замечательно. И как мне носить рюкзак в школу?

На выходе из комнаты я остановилась и взглянула в зеркало. Вид у меня был, мягко говоря, ужасный. Волосы мокрые, форма, как и я сама, вся помятая. Лицо уставшее, однако глаза не опухли, а нос не покраснел.

Ведь я не плакала.

Мама не переставала рыдать после того самого звонка. Но я не проронила ни слезинки. Почти не разговаривала и ничего не ела вот уже два дня. Однако слез не было.

Я вышла из комнаты и хлопнула дверью, оставляя мысли позади. Заглянула в гостиную, убедилась, что мама еще спит, и подошла ближе. Мама тихонько посапывала с опущенной головой, сидя в кресле отца и закутавшись в плюшевый плед. На скулах виднелись следы высохших слез, прямой нос покраснел, и кожа вокруг него иссохла. Мама так и не притронулась к ужину, который я оставила на кофейном столике. Множество скомканных салфеток валялось на ковре, на подлокотниках кресла и даже на плече.

События после смерти отца разворачивались быстро. Мама хотела закончить со всем как можно скорее. Она отказалась от вскрытия и традиционных похорон, однако согласилась на кремацию.

Субботнее утро мы провели в участке.

А вчера нам передали урну с его прахом.

Слишком быстро.

Я видела его. Видела своего папу, его безжизненное тело и раны от последнего удара. Запоминала черты его молодого лица, загорелую кожу, длинные ноги и рыжеватые волосы, стянутые в низкий хвост на затылке. Прикасалась к его бесчувственным рукам. Смотрела, как его накрыли простыней и укатали прочь. Однако даже это не вызвало слез.

Возможно, мне нужно время. Но, может, я просто бессердечная корова.

Выйдя из квартиры, я спустилась по пыльным ступеням подъезда. Небо уже затянуло плотными облаками. Чувствую, грянет мощный осенний ливень, но возвращаться за зонтом не хотелось.

Я достала телефон, вбила в навигатор адрес школы, вставила наушник в ухо и зашагала вперед. Моя школа находится всего в пятнадцати минутах от дома, но запомнить путь за последний год мне так и не удалось. Привычное дело. С самого детства я терялась даже в хорошо знакомых районах. Мой отец диагностировал у меня топографический кретинизм. Различные врачи лишь забавлялись и говорили, что все пройдет с возрастом.

В детстве меня повсюду таскал за собой Аксель, с ним я не терялась. Но после его... ухода я передвигалась самостоятельно, за исключением тех случаев, когда отец устраивал «тесты на выживание».

Через шестнадцать минут я добралась до самой обыкновенной двухэтажной школы нашего района. Как только вошла, в нос ударил знакомый запах из столовой. Смесь из «ароматов» соленой каши, сладкого черного чая и масла на черстве хлеба.

Занятия вот-вот должны были начаться, и шумный коридор был забит учителями и их учениками. Кто-то разговаривал между собой, кто-то бегал и дурачился, кому-то за это делали замечание. Некоторые ученики умоляли преподавателей о втором шансе, другие же делали вид, что никакую контрольную работу не провалили.

Я смотрела только вперед. На меня же оборачивался почти каждый. Кто-то бросал взгляды исподтишка, кто-то пялился без стеснения. В нашем районе любая новость разлетается со скоростью света. Не пройдет и часа — и вот даже помойная крыса знает, что вчера ты заказал пиццу с ананасами и ветчиной.

— Ну ты только посмотри на нее, — прошептала одна из учительниц, чьи кудри неудачно подчеркивали плешину на макушке. Она вела химию у выпускных классов. — Взгляни на это лицо. Ей все равно!

— Бедная Айя, — с придыханием произнесла имя моей мамы другая учительница, она преподавала у меня географию. — Как же ей пережить такое горе? Еще и осталась с такой дочерью совершенно одна. Может, занесем ей коробочку конфет после работы? Чай попьем...

Я сжала челюсти, но шаг не замедлила и продолжила искать номер кабинета. Мой топографический кретинизм проявляет себя даже в здании школы. Я шмыгнула в приоткрытую дверь, только чтобы проверить, не это ли кабинет биологии. Не мой класс и не мой преподаватель. Я вынырнула обратно в коридор

и пошла дальше, пока группка старшеклассников провожала меня пренебрежительными взглядами.

— Я слышала, она вела себя так же, когда умер ее брат, — пропищала одна девчонка, дергая за руку свою подружку. — Как там его звали? Еще такое странное имя было...

Без понятия, откуда им известно о моей реакции на смерть брата, если тогда мы жили в другой стране. Но за свои семнадцать лет я успела убедиться в том, что этот мир невероятно мал. Кто-то знает кого-то, и этот кто-то передал кому-то чей-то секрет. Не удивлюсь, если через пять рукопожатий я знакома с премьер-министром Канады.

— Говорят, ее брат был таким хорошеньким! — раздосадованно добавила одна из старшеклассниц, подтверждая мои догадки. — Ну, до того как умер ни с того ни с сего. Как же его там звали? Аксель или Элио... Одно из двух, но имя было очень странным.

Элио. Как же давно я не слышала этого имени. Так звали моего брата по паспорту. Родители не отличались особой оригинальностью, когда давали нам имена. В частности, учитывая тот факт, что мое полное имя — Эллиот. А такое обычно дают мальчикам, но мама с папой закрыли глаза на эту несостыковку.

«Эллиот» и «Элио» не особо уживались в одном доме. Поэтому за мной закрепилось коротенькое «Элли». А брат попросил называть его исключительно Аксель. Именно так звали его любимого персонажа из какого-то супергеройского мультфильма. Признаюсь, Аксель ему шло гораздо больше.

Я рыскала по коридору в поисках кабинета. Ученики продолжали шептаться за спиной. Одноклассники обо мне и прежде сплетничали, и для меня это давно не новость. В каждой школе меня недолюбливали по разным причинам. Для кого-то я была слишком молчаливой, другие считали меня слишком странной, чтобы влиться в их общество. Некоторые смеялись над моим именем, пока другие подшучивали над моими занятиями боевыми

искусствами с отцом. Они не знают, как ко мне подступиться, но я и не настаиваю. Тишина лучше фарфоровой дружбы. Для дружбы требуются чувства, а для чувств нужна постоянная отдача энергии. Энергии, которую я сохраняю, держу в себе и дарю только своей семье.

Я отыскала нужный кабинет за секунду до школьного звонка, одноклассники ввалились следом, но болтовня тут же смолкла. Все бросали на меня взгляды, я старалась не обращать на них внимания. Никто не обмолвился и словом, но я знала, какие вопросы повисли в воздухе.

Как твой отец умер? Почему ты сегодня в школе? Почему не плачешь? Почему тебе плевать?

Я не ожидала от одноклассников большего. Люди реагируют на смерть любопытством. Или же испытывают дискомфорт.

Поэтому я прошла к самой последней парте, ближе к окну, кинула рюкзак под ноги и плюхнулась на стул. Учительница прошествовала к доске, глянув на меня из-под очков. Мелом написала дату, затем открыла учебник и принялась зачитывать материал. Я даже не уловила, какую страницу нужно открыть, поэтому вставила наушники, скрыла провода за волосами и включила случайно попавшуюся рок-группу. Подперев кулаком подбородок, я уставилась в пресно-серый пейзаж за окном. Пальцы почти неосознанно водили по рисунку одуванчика на обложке учебника биологии.

Прошло несколько уроков, когда прозвенел очередной звонок и одноклассники отправились в столовую, а я так и осталась сидеть за партой. И тогда ко мне кто-то подошел. Я оторвала взгляд от окна и вытащила один наушник.

Лия.

— Привет, — робко сказала она и прикоснулась к моему плечу, — как ты?

Лия словно цветок — нежная, цветущая и настоящая. Единственная в школе не тратит времени на сплетни. Она терпелива

и не придирается к моей скованности. И еще Лия получила бонусные баллы за то, что никогда не просила познакомиться с моим папой. Потому что... ох... фу... Почти каждая старшеклассница сохла по моему отцу и его необычному акценту. Он в совершенстве знал русский и английский, понимал японский. При этом почему-то на всех языках говорил с акцентом.

— Сойдет. — Я принялась наматывать провод на палец.

— Это нормально. — Щеки Лии порозовели.

И я приподняла бровь.

— Это нормально, — повторила она. — Любая реакция на... такое — это нормально. Каждый скорбит по-своему. Не слушай их.

Ее голос звучал тихо и обрывисто, а в больших глазах заблестели слезы. Я кивнула, но слова благодарности оставила при себе. Лия улыбнулась и зашагала к выходу из класса.

— Подожди, — окликнула я, и она обернулась. — Сегодня как обычно?

Остаток учебного дня я провела в наушниках, раздумывая, что делать дальше. Надо сдать квартиру, избавиться от вещей отца и двинуться в другую страну. Мы переехали после смерти брата. Переехали после случая с моим... одноклассником. Стоит переехать и сейчас, верно?

Небо потемнело, превратившись в плотную завесу, когда мы с Лией покинули школу и направились к продуктовому магазину, что находится в соседнем районе. Над головой собрались тучи, готовые вот-вот разразиться молнией и громом и окатить город ливнем. Несмотря на ветер, в воздухе ощущалась вязкость. Духота. От нее кружилась голова, однако я была вовсе не против такой погоды. В серости легче скрыться от любопытных глаз.

Лия свернула направо, я за ней, и, когда мы оказались на пустом тротуаре, она решила заговорить.

— Вы были близки, правда? — тихо поинтересовалась Лия. — Ты и твой папа.

Я бросила на нее взгляд, и к ее щекам прилила краска.

— Прости, лезу не в свое дело.

Я молча пожала плечами.

— Моим родителям интересны лишь успехи в фигурном катании, они почти не спрашивают про школу, а на выходных занимаются своими делами, — Лия пожевала губу, — поэтому мне всегда казалось, что твои...

— В каждой семье свои тараканы, — ответила я чуть жестче, чем стоило. — Моя тоже не идеальна.

Лия лишь кивнула, и мы продолжили идти в тишине. Сегодняшнее небо цветом напоминало глаза отца. И глаза Акселя. Наши глаза.

В детстве меня называли дочкой тренера. До шести лет я лишь наблюдала за тренировками брата и других мальчишек в группе. Но после... отец купил мне форму и начал тренировать наравне с мальчиками. Это был единственный раз, когда родители поссорились. Узнав про тренировки, мама взглянула на отца как на предателя. Но в тот вечер папа только покачал головой и сказал, что не может оставить меня без защиты.

— Мой отец... был странным, — призналась я.

Лия мягко посмеялась.

— Зато какой у тебя сногшибательный правый хук, Элли. — Ее улыбка исчезла. — Как это произошло?

Я знала, что в какой-то момент она задаст этот вопрос. Однако винить ее не могла. Уж лучше спросить напрямую, чем сплетничать за спиной.

— Его сбила машина.

Лия резко выдохнула.

— Мне очень жаль, Элли, я...

— Он идиот, — оборвав ее, я почти улыбнулась. — Идиот. Отец постоянно говорил, что нужно оставаться начеку. Даже научил меня чувствовать чужие взгляды, когда я сплю. Какой отец учит этому свою дочь? — Слова полились, и я не смогла остановиться. — Он научил меня уклоняться от ударов ножом, научил

такому пинку ногой, что им можно голову снести. Научил бегать так, что, клянусь, если от этого будет зависеть моя судьба, я побегу быстрее олимпийского чемпиона. — Лия смотрела на меня, поджав губы. — Он научил меня бороться за свою жизнь. — Сделав глубокий вдох, я замолчала. — И после всего этого он отвлекся на телефонный звонок, перебегая дорогу в неполюженном месте.

Лия не нашла слов, чтобы ответить. А я и не ждала. Впервые после смерти отца я сказала больше двух предложений. Надо же, какой прогресс.

Продуктовый магазин, в который мы пришли, не пользовался особой популярностью, ведь закрывался ровно в четыре часа дня, когда люди еще торчали на работе. Но мне нравится отсутствие толпы. В магазине включено радио, за единственной кассой стоит щупленький парень. Он тут работает уже несколько лет и в свою смену всегда пропускает школу.

— Лия, Элли, — кивнул парнишка, оторвав взгляд от телефона. — Как обычно? Кокосовое или адекватное?

— Кокосовое молоко тоже адекватное, — Лия одарила его особой улыбкой и покачала головой, — но на этот раз мы за продуктами.

— Как знаете. — Парень пожал плечами и вернулся к онлайн-игре.

Пару раз в неделю мы с Лией приходим сюда за редким напитком, которого в нашем районе нигде не найти. Молочный чай с карамельными шариками тапиока. Райское наслаждение.

— Можешь подождать у кассы, — шепнула я однокласснице.

Лия покраснела, но сопротивляться не стала. Еще бы. Схватив корзинку у входа, я свернула и ушла в конец магазина. В молочном отделе нашла миндальное молоко. Миндальное, может, и адекватное, но тот кошмарный вкус кокосового? Нет. Это точно неадекватно. Как только мои глаза отыскали йогурт, я положила в корзину упаковку с персиковым вкусом. Мама любит его больше всего. Дальше я набирала все, что попадалось под руку,

особо не задумываясь над ингредиентами для ужина. Уж что-нибудь да приготовлю.

Магазин небольшой, поэтому тут легко ориентироваться. Я шла между стеллажами уверенно и быстро, сметая продукты с полок прямо в корзину. Уже подумывала вернуться за второй, но, повернув к мясному отделу, тут же в кого-то врезалась.

Я потеряла равновесие. Корзинка выпала из рук, и продукты разлетелись по кафелю.

— Обожаю свою жизнь, — буркнула я, присела на корточки и начала собирать все обратно.

— *My apologies**.

Я вскинула голову.

Напротив стоял парень, одетый в черное. Козырек кепки почти скрывал молодое лицо. Парень опустил на колени и принялся помогать. Двигался он быстро, но скованно.

Я замерла, но не успела и глазом моргнуть, как иностранец поднялся на ноги и протянул мне корзину, успев разложить все по категориям: мучное со сладостями, замороженная курица отдельно от упаковки йогурта и миндального молока.

Моргнув, я вновь подняла голову. И мое сердце замерло. Все мое внимание поглотили глаза незнакомца. Светло-зеленые, напоминающие цвета глубокой осени и уральский изумруд. Насыщенные, неподдельные, заставившие мое тело откликнуться. Его взгляд вызвал во мне какое-то странное чувство, и захотелось что-то сказать, но все слова улетучились.

В голове всплыли знакомые образы.

И в его глазах я заметила то же самое узнавание.

Я выпрямилась вслед за ним. Взяла протянутую корзину, не прикасаясь к его длинным пальцам. Но незнакомец уже отходил, опустив подбородок, окончательно скрывая лицо.

— Спасибо, — растерянно пробормотала я на английском.

* Прошу прощения (*англ.*).

Он резко склонил голову, услышав мой голос, и сделал еще один шаг назад.

— *My apologies*, — повторил он, натянул кепку ниже, развернулся и исчез среди рядов мясного отдела.

Я закрыла рот.

Прошла мимо нескольких продуктовых стеллажей, раздумывая о том иностранце, наверняка давно покинувшем магазин. И, когда остановилась около полки со специями, размышляя, нужна ли домой куркума, вновь заметила его. Парень стоял у противоположного конца стеллажа. И делал вид, что выбирает макароны. «Точно притворяется», — подсказывала мне интуиция. Интуиция, которая компенсирует топографический кретицизм.

Кепка скрывала его лицо, но я знала, куда он смотрит. С его стороны открывался вид на кассу, возле которой стояла Лия. За кем из них он наблюдает? За Лией или кассиром? Хочет ограбить магазин? Или он тайный поклонник моей одноклассницы? В любом случае пора делать отсюда ноги.

Я убедилась, что незнакомец не обращает на меня внимания, и проскочила мимо. Уже на кассе вывалила продукты, как можно быстрее расплатилась и потянула Лию наружу.

— Что-то не так? — прошептала она, как только мы вышли из магазина и остановились в нескольких метрах от входа.

В обеих руках она держала бумажные пакеты, ведь позволить мне нести продукты в одиночку ей не разрешала совесть.

— Ты считаешь меня параноиком, но...

Вдруг двери магазина открылись и вышел тот самый парень в черном. В руках он держал прозрачный стакан с бумажной трубкой. Попивая мой любимый чайный напиток, он ушел к парковке и растворился среди машин.

Я ощутила во рту привкус этого чая.

Да, я параноик.

— Ой.

Лия опустила пакеты на землю и проверила вибрирующий телефон.

— Это мама, — пояснила она, прочитав сообщения. — Попросила купить домой красный перец и сметану, подождешь тут?

Я кивнула, и Лия побежала обратно.

В небе сверкнула молния. Вслед за ней прогремел гром. Вот-вот начнется самый настоящий ливень. Когда умер Аксель, погода была такой же.

Что-то не так.

Моя интуиция стучалась в двери разума, пытаясь о чем-то предупредить. Но о чем? Прохожие разбежались из-за непогоды, в магазине находились только Лия и кассир. Мои пальцы тербли ручки пакета, нога стучала по брусчатке.

Я что-то упускаю.

Вдруг на парковку въехала машина. Красная, старая и побитая, словно только вчера участвовала в гонках с перестрелками из автоматов. Номер у машины отсутствовал.

Она остановилась у входа в магазин. Двери со скрипом открылись, наружу вышли двое мужчин в выцветших толстовках и с натянутыми на голову капюшонами. Руки в карманах держали что-то массивное. Они вошли в магазин, но машина осталась заведенной, а двери — открытыми.

Что за черт?

До окончания работы продуктового осталась ровно минута. Кассир не должен впускать их. Именно так парнишка и поступал перед самым закрытием.

Я даю Лии ровно минуту, чтобы выйти оттуда. Даю кассиру минуту, чтобы выгнать их и закрыться. Я даю себе минуту, прежде чем начну действовать.

Когда время на экране телефона показало четыре часа дня, а Лия так и не появилась, я набрала номер полиции и нажала на вызов.

И тут из магазина раздался крик.

И я выронила телефон из рук.

Лия.

— Черт. — Я бросила пакеты и рванула в продуктовый.

Было глупо с моей стороны не дожидаться ответа полиции.

Стеклянные двери закрылись за спиной в тот момент, когда я глазами отыскала одноклассницу. Лия стояла возле кассы, подняв руки вверх. Под ее ногами лежала пачка разбитых яиц, а за кассой все так же стоял парнишка. Оба они находились под прицелом пистолета.

— Что за... — Слова комом застряли в горле.

Двое мужчин, лица которых были скрыты под черными масками, тут же обернулись. Они сначала посмотрели на меня, затем переглянулись между собой.

Во рту пересохло. Мой взгляд застыл на грабителях. Оба огромные, словно всю жизнь провели в подпольном бойцовском клубе. Эти ребята не простые воришки. Пистолеты они держали умело. Их обучали. И не один год.

При следующем вдохе меня пробрала дрожь. Двое вооруженных мужчин. Два школьника под прицелом. Двери за мной закрылись, а телефон брошен на улице.

Я сглотнула и перевела взгляд на Лию, ее плечи дрожали, ноги подкашивались. Вот-вот — и она потеряет сознание.

Но она смотрела на меня.

— Элли, помоги, — всхлипнув, беспомощно прошептала Лия одними губами.

— Заткнись! — рявкнул один из преступников и приблизился к ней. — Заткнись, или я прострелю тебе глотку!

Лия запищала. Кассир почти зарыдал.

Я хотела было двинуться к ней, но не смогла. Нога поднялась и опустилась обратно на кафедру. Сердцебиение оглушило меня, страх сковал тело так, что невозможно пошевелиться. Наши с Лией взгляды вновь встретились. Она знала, что я сильная. Что я смелая и хладнокровная. Но это не так. Как я буду бороться одна с двумя вооруженными мужчинами?

— Девчонка, — один из грабителей обратился ко мне, — только попробуй убежать или позвать на помощь, и я пристрелю их. — Он ближе приставил дуло пистолета к Лие. — Поняла меня?

Сомнений нет. Этот выстрелит в Лию. Другой убьет кассира. Только стоит мне попробовать убежать и позвать на помощь, как жизни двух подростков тут же оборвутся.

— Поняла или нет?! — грабитель сорвался на крик.

Лия вновь пискнула и зажмурилась. С каждым словом дуло пистолета приближалось к ее лицу. Я открыла рот, но язык словно прирос к нёбу.

Я бывала в разных ситуациях. Одноклассники нападали с кулаками, пьяницы приставали на улицах. Но мне не доводилось видеть, как на кого-то наводят оружие.

— Что вам нужно? — сквозь слезы взревел парнишка, поддавшись страху и упав на колени. — Деньги? Возьмите что хотите, возьмите из кассы! Если этого мало, я дам свой кошелек, только прошу, пожалуйста, не трогайте меня, я обещаю, что не расскажу о...

— Я же велел заткнуться!

Мужчина приставил оружие к его лбу. Кассир зарыдал, слезы рекой полились по его щекам. Но тут Лия двинулась в его сторону.

Что она собирается?..

— Не стреляйте в него! — закричала она, протягивая парнишке руку.

Звук оглушительного выстрела смешался с криком. Захотелось закрыть уши, прижаться к полу. Но я смотрела, как кровь хлынула из бедра Лии, как ее ноги подогнулись и она полетела вниз, ударяясь головой о прилавок и теряя сознание.

— Гребаная идиотка, — выдохнул грабитель.

— Ты промахнулся, — подсказал ему второй, все так же держа пистолет у головы парнишки. Затем, бросив на меня быстрый взгляд, добавил: — Покончи с ней.

Грабитель цокнул языком и вновь направил оружие на Лию. Прицелился ей в голову.

Его палец сжал спусковой крючок.

— Лия, нет!

Время замерло. А в голове пронеслись воспоминания.

Я попадала в похожую ситуацию однажды. В тот вечер отец оставил меня в самом небезопасном районе пригорода и уехал. Там ко мне пристал пьяный мужчина. Он знал, что я была одна. Знал, что я беспомощна. Видел, что мне было всего семь. И все равно пытался меня догнать и... сделать что-то кошмарное. Мое тело тогда оцепенело. Я стояла и смотрела, как мужчина приближался. Как протянул руку, чтобы коснуться. Я не помню своих слез. Помню лишь появление отца. Помню, как тот мужчина оказался на земле, так и не притронувшись ко мне.

Мой отец тогда улыбнулся мне. Погладил по щеке, приподнял подбородок и заставил посмотреть в его темно-серые глаза.

— Научись принимать свой страх, Эллиот. Прими его. Этот страх — часть тебя. Но никогда не позволяй ему взять над собой верх. — Он накрыл ладонью мою руку и сжал ее в кулак. — И борись. Борись за себя. Борись за других. — Поднес кулак к моему сердцу. — Никогда не ставь страх выше, чем желание продолжать борьбу.

Именно эти слова пронеслись в моей голове сейчас. Я побежала. Я ринулась вперед, пробежала мимо грабителей, прыгнула перед дулом пистолета, закрывая Лию собой.

Прогремело три выстрела.

Вспышки боли пронзили спину.

Ноги подкосились, и я полетела вниз.

Думала, столкнусь с холодным кафелем. Ожидала получить еще один выстрел в голову, потому что все еще могла дышать. Но вместо этого я услышала чьи-то вскрики. То ли визг кассира, то ли истошный вопль грабителей. Понять, что именно произошло, я не смогла.

Однако чьи-то сильные руки поймали меня.

А когда меня повернули лицом вверх, то я увидела перед собой те самые светло-зеленые глаза. Смутно знакомые даже на грани смерти.

— Мне жаль, — прошептал по-английски низкий голос. — Мне очень жаль, Элли. Этого не должно было произойти.

Мне хотелось спросить почему.

Но вопрос задержался на самом кончике языка. Я слышала, как замедляется стук моего сердца. Чувствовала, как вздымается грудь с тяжелым хрипом. Глаза мои остались открытыми, прикованными к незнакомцу. Однако сознание покинуло меня. А сердце перестало биться.

Я действительно умерла.

Умерла без боя.

Умерла глупой смертью.

Так же, как и отец.

Так же, как и брат.

Глава 2

Поначалу было пусто.

Бездумная пустота.

Меня лишили тела... разума.

Я исчезла...

Я без чувств. Во мне нет ни горя... ни сожаления.

Мне спокойно... Во тьме безопасно.

Я бы слилась с этой свободой навечно. Но нет. Этого не произошло. Безмятежность отступила. Тьма стала льдом, отгоняла меня, не принимая в свои объятия, не позволяя стать ее частью.

И тогда меня окутал жар. Он кололся, обжигал и затягивал все сильнее. Если бы я могла кричать, то кричала бы. Но здесь меня голоса лишили.

Я горела изнутри так, словно меня бросили в костер. Кожа полыхала, рассыпалась в пепел, затем словно вновь срасталась и вспыхивала алыми языками пламени. Я продолжала пылать до тех пор, пока тело не научилось сопротивляться. Пока порыв гортанного крика не замолк глубоко в груди. Я горела до тех пор, пока боль не отступила. И пока не впитала пламя окончательно.

Исчез жар. Улетучился холод. А крошечная тьма сменилась светом. И тогда я оказалась в поле. Босыми ногами опустилась на шелковистую зелень. Покрывало из молодых одуванчиков застилало бескрайнюю равнину. И сочная трава безмятежно колыхалась на ветру.

Вдалеке появились фигуры двух мальчиков, держащихся за руки. Я попробовала шагнуть к ним, и тут же расцвели одуванчики. Затем побелели, лишившись свежести желтизны. И ветер усилился, разделяя белые шапки на зонтики и разнося их по всему полю.

Когда я вновь взглянула перед собой, то увидела уже не мальчиков, а мужчин.

Однако теперь они стояли поодаль друг от друга, крепко сжав кулаки. Не касаясь друг друга.

И смотрели в разные стороны.

Алая кровь стекала с их кулаков, окропляя траву и опустевшие стебли одуванчиков.

Очнулась я резко. Легкие обдало огнем, когда я вдохнула. Во рту словно пролегла знойная пустыня, но мое дыхание участилось, хотя я не чувствовала своего тела. Я старалась дышать размеренно, но легкие, казалось, разучились правильно работать.

Паника билась в груди. Перед глазами темнота, и руки совсем не слушались.

Где я?

Я сделала вдох, который тут же отозвался острой болью в ребрах. Сердце забило с неземной скоростью, улавливая пульсацию боли в каждом сантиметре кожи, в каждой мышце, и, кажется, даже мои волосы испытывали это незнакомое ощущение.

Спокойно, Элли. Дыши.

Я жива. Здесь никого нет. За мной никто не наблюдает, об этом говорит пустая тишина, прерываемая только моим дыханием.

Я одна. И я жива.

Я попробовала в очередной раз вдохнуть и на этот раз втянула кислород глубже, игнорируя боль в легких и задерживая воздух внутри.

Один. Два. Три. Четыре.

Долгий выдох. И затем новый продолжительный вдох. Этому упражнению однажды научил меня отец, когда я впервые осо-